

УДК 81'42:32.019.5

DOI 10.22213/2618-9763-2026-1-103-109

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор

Цзин Шици, аспирант

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА

В статье рассматривается феномен литературной дипломатии в контексте современного российского политического дискурса. Особое внимание уделено анализу использования литературных источников в публичных выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина как инструменту реализации коммуникативных стратегий и прагматических эффектов.

Обосновывается идея о том, что целенаправленное обращение к художественной литературе способствует повышению убедительности высказываний, формированию атмосферы доверия и дружелюбия, а также конструированию позитивного образа лидера в восприятии отечественной и международной аудитории.

В работе рассматриваются три основных способа использования литературных источников в выступлениях политика: прямое цитирование, интерпретация и реконтекстуализация. Статья посвящена комплексному количественному и качественному исследованию частотности, жанровой принадлежности заимствуемых произведений и содержательной специфики контекстов их применения. Отмечается, что установление частоты использования литературных элементов в политических выступлениях, жанровых особенностей заимствуемых ресурсов, а также содержательной специфики заимствующих их контекстов свидетельствует о том, что за период с 2012 по 2023 год в 466 выступлениях российский лидер обращался к литературным ресурсам 118 раз; при этом предпочтения отдавались отсылкам к романам, повестям, рассказам, новеллам (66 % от всех случаев использования литературных ресурсов) и такому адаптационному механизму, как реконтекстуализация (47,5 % от общего числа упоминаний всех адаптационных механизмов в установленном корпусе текстов). Примечательно, что литературные элементы чаще используются в контексте обсуждения вопросов жизнеобеспечения людей (28,81 %) и дипломатических взаимодействий (15,27 %). Полученные данные свидетельствуют о целесообразности дальнейших исследований прагматических механизмов использования литературных источников в политическом дискурсе, в частности на основе расширенных корпусов текстов, с применением количественных методов анализа и учетом динамики коммуникативных ситуаций в разные периоды.

Ключевые слова: литературная дипломатия; цитирование; интерпретация; реконтекстуализация; политический дискурс; выступления В. В. Путина

Введение

Политический дискурс последнего десятилетия активно взаимодействует с литературным кодом мировой классики. Когда внутри политического дискурса проявляются элементы художественного текста, это приводит к многоуровневому процессу интеграции различных коммуникативных моделей. Решение внутривнутриполитических или внешнеполитических вопросов способствует формированию явления литературной дипломатии, направленной на эффективное общение¹. В настоящее время исследователи рассматривают литературную дипломатию в рамках дисциплины международных отношений, определяя ее как использование литературы и литературных обменов для установления и поддержания международных отношений, укрепления взаимопонимания между культурами и продвижения национальных интересов. Основное внимание ученых сосредоточено на истории литературной дипломатии между Россией и Китаем. К числу таких работ относятся исследования Ван Цзинь и Ян Цзэ, посвященные проблемам и перспективам культурной дипломатии между Россией и Китаем [1], а также анализ развития культурной дипломатии между Китаем и СССР и ее роли в реализации политики «Пояса и пути» [2]. В обла-

сти литературной дипломатии научный интерес сосредоточен на литературном переводе как инструменте культурного взаимодействия, что подчеркивается в работе О. И. Костиковой [3], обращающей внимание на значение переводов в укреплении межкультурных связей. Исследования западных ученых, например, работы [4, 5], рассматривают литературную дипломатию как инструмент дипломатических практик. Существуют переводоведческие исследования, такие как работа Г. Кристманнссона «Литературная дипломатия: Роль перевода в формировании национальных литератур в Великобритании и Германии 1750–1830» [6], посвященная роли перевода в формировании национальной литературной идентичности. В области политической лингвистики исследования литературной дипломатии ограничены и сосредоточены на адаптации литературных произведений в политическом дискурсе, что иллюстрируется работами Линтао Ци «Литература и искусство как политический дискурс: Адаптация «Девушки с белыми волосами» в коммунистическом контексте Китая» [7], Ж. Рансьера «Немая речь: Литература, критическая теория и политика» [8] и Х. Нассы «Литература в праве и политических речах» [9]. Эти работы рассматривают механизмы использования ли-

© Катъшев П. А., Цзин Шици, 2026

¹ Афанасьева Э. М. Русская литературная классика в выступлениях современных политиков // Полный разума русский язык : сб. материалов XX науч.-практ. конф. Центральной ассоциации преподавателей русского языка Америки. Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 13–19. EDN: JSXQCSX

тературных ресурсов в выступлениях политиков, но не предлагают точного определения литературной дипломатии в лингвистике. В политической лингвистике ученым, предложившим четкое определение литературной дипломатии, является Э. М. Афанасьева. Она определяет литературную дипломатию как «дискурсивную установку в практике публичных выступлений (заявлений) политиков, основанную на приеме цитирования художественного текста, часто с элементами комментария и (или) упоминания (интерпретации) литературных фактов, фактов биографии писателей с целью привлечения внимания к конкретной культурной, социальной, политической или иной проблеме (ситуации) и обозначения политической позиции коммуниканта» [10, с. 209]. В отличие от понимания литературной дипломатии в международных отношениях (как инструмент культурной политики и межгосударственного взаимодействия) или в переводоведении (как роль перевода в диалоге культур), в настоящем исследовании данный феномен трактуется в аспекте политической лингвистики – как дискурсивная установка, опирающаяся на цитирование, интерпретацию и реконтекстуализацию художественных текстов с целью достижения конкретных коммуникативно-прагматических эффектов в публичных выступлениях.

Таким образом, в данной статье феномен литературной дипломатии трактуется в таком аспекте, который представлен в работах, отражающих проблематику политической лингвистики.

Цель исследования заключается в комплексном анализе особенностей и прагматических эффектов использования литературных источников в публичных выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина за период 2012–2023 годов с акцентом на выявление доминирующих способов их включения (прямое цитирование, интерпретация, реконтекстуализация), частотных и контекстуальных закономерностей, а также роли этих стратегий в достижении коммуникативных целей политического дискурса.

Методы и материалы

Материалом исследования послужил корпус из 466 публичных выступлений В. В. Путина за период с 2012 по 2023 г., включающий официальные стенограммы, опубликованные на сайте kremlin.ru, а также материалы российских средств массовой информации (СМИ) (tass.ru, ria.ru, realnoevremya.ru). В исследовании использованы следующие методы: дискурсивный анализ, контекстуальный и количественный анализ.

Обсуждение и результаты

В выступлениях политиков можно обнаружить примеры использования литературных феноменов, которые могут быть разделены на три основные категории.

К *первой категории* относятся случаи, когда политики цитируют оригинальные фразы из определенных литературных произведений в практических целях.

Вторая категория связана с интерпретацией литературных произведений, включенных в публичное выступление. В политическом дискурсе интерпретация представляет собой процесс осмысления, анализа и переформулирования значения текстов, высказываний, символов или событий, направленный на их использование для поддержки определенной политической позиции, идеологии или аргументации, часто с целью убеждения аудитории или легитимации власти. Например, исторические цитаты, литературные произведения или даже афоризмы могут быть переинтерпретированы для оправдания политических решений или критики оппонентов, как подчеркивает ван Дейк в своих работах по критическому дискурсу-анализу, где интерпретация рассматривается как инструмент манипуляции дискурсом [11]. В отличие от лингвистической интерпретации, сосредоточенной на семантике и прагматике, в политическом дискурсе интерпретация носит стратегический характер, включая манипулятивные элементы, такие как выборочная интерпретация фактов или переосмысление символов. М. Фуко указывает, что такие процессы связаны с динамикой власти и знания, где интерпретация становится частью дискурсивных практик, формирующих социальную реальность [12]. Н. Фэрклаф подчеркивает, что интерпретация в политическом контексте всегда связана с социальными изменениями и борьбой за гегемонию в дискурсе, где тексты используются для конструирования идеологических смыслов [13].

К *третьей категории* можно отнести реконтекстуализацию литературных произведений, на базе которых политик создает новые тексты, заимствуя ресурсы – известные литературные образы или сюжеты. По мнению шведского лингвиста П. Линелла, реконтекстуализация может быть определена как динамический процесс переноса и трансформации чего-либо из одного дискурса/текста-в-контексте (при этом контекст на самом деле представляет собой матрицу или поле контекстов) в другой [14]. Как отмечают П. К. Иванов и П. А. Катышев, реконтекстуализация может включать «замену референта», когда знак, типичный для одной идеологической позиции, используется для обозначения иного референта, не свойственного исходной позиции. Примером этого является использование термина «демократическое общество» в блоге, где автор применяет его для описания России в контексте судебного процесса А. А. Навального: «Как и принято в демократическом обществе, Лёше предложили самые разные возможности продемонстрировать свои навыки в тюремных профессиях» [15, с. 141]. Здесь исходный позитивный референт, связанный с западной демократией, заменяется на элемент, усиливающий саркастическое описание персонажа, находящегося в поле внимания блогера. Пример взят из анализа виртуальной политической коммуникации (П. К. Иванов, П. А. Катышев. Идеологема в политической коммуникации: Интерперсональный аспект) и приводится исключительно в иллюстративных целях демонстрации механизма замены референта. В корпусе публичных

выступлений В. В. Путина за 2012–2023 гг. аналогичные случаи реконтекстуализации в контексте А. А. Навального¹ не зафиксированы. Реконтекстуализация включает извлечение какой-либо части или аспекта из текста или дискурса и вписывание этой части или аспекта в другой контекст, т. е. в другой текст или дискурс (или жанр дискурса), и их использование. Согласно терминологии И. Гоффмана, реконтекстуализация обычно сводится к переформулировке. Аспекты дискурса, которые могут быть реконтекстуализированы, включают лингвистические выражения, понятия и утверждения, «факты», аргументы и ходы аргументации, истории, оценки, ценности и идеологии, знания и теоретические конструкции, способы восприятия и способы действия по отношению к ним, способы мышления и способы выражения [16]. При переносе частей текстов или дискурсов посредством реконтекстуализации они часто подвергаются текстовым изменениям, таким как упрощение, сокращение, развертывание и перефокусировка. В то же время реконтекстуализация никогда не представляет собой чистый перенос фиксированного значения. Она включает трансформации значений и потенциалов значений способами, которые обычно достаточно сложны и пока недостаточно хорошо поняты [17]. Поэтому важно рассматривать реконтекстуализацию саму по себе как составляющую практики создания смысла; выбранные части дискурсов и их значения в предыдущем, «цитируемом» дискурсе в контексте используются как ресурсы при создании нового смысла в «цитирующем» тексте и его коммуникативном контексте.

Цитирование литературных элементов и его результаты

«Вы знаете, у нас всегда в России есть такое выражение: *Тяжела ты, шапка Мономаха*. Груз ответственности очень большой. И в критические минуты человек руководствуется и ценностями, и своим опытом».²

Выделенное курсивом высказывание взято из исторической драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов». Это заключительные слова из сцены «Царские палаты», произнесенные царем Борисом Годуновым в ответ на известие о появлении самозванца в Литве.

*Кто на меня? Пустое имя, тень –
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишишь детей моих наследства?
На призрак сей подуй — и нет его.
Так решено: не окажу я страха, –
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!*³

В оригинальном контексте, в финале сцены «Царские палаты», царь Борис Годунов произносит эти слова, отражая внутренний конфликт и осознание бремени власти перед лицом угрозы со стороны самозванца. В современном русском языке оно часто используется для обозначения «тех трудных задач и тяжелых нош, которые сопровождают высокую

власть и статус» [18]. «Шапка Мономаха» в данном контексте символизирует верховную власть, а метафорическое значение намекает на трудность управления страной.

Использование выражения «шапка Мономаха» вписывается в нарратив российской политической риторики, где власть часто осмысливается через призму исторических испытаний и сакральной ответственности [19]. Обращение к прецедентному тексту усиливает легитимность власти [20], связывая современное правление с прошлым России, в частности с эпохой Русского царства, где шапка Мономаха была символом преемственности и величия [21]. С прагматической точки зрения, использование В. В. Путиным этого выражения выполняет несколько функций. Со одной стороны, оно служит эвфемизмом, смягчая прямое упоминание сложностей президентских обязанностей и представляет их как неизбежную часть высокой должности. С другой – цитирование А. С. Пушкина усиливает авторитет говорящего, подчеркивая его образованность и связь с русской культурной традицией.

Интерпретация литературных элементов и ее результаты

«Литература всегда была и остаётся важным фактором формирования национального сознания. *Пушкин, создавая образы в „Евгении Онегине“, не просто описывал жизнь своего времени, он создавал портрет русского человека, его души, его стремлений*. Это произведение помогает нам понимать, кто мы есть, и вдохновляет гордиться нашей культурой, нашей историей. Сегодня, когда мы сталкиваемся с вызовами глобализации, такие произведения напоминают нам о необходимости сохранять свою идентичность».

«Евгений Онегин» А. С. Пушкина – это роман в стихах, описывающий жизнь русского общества XIX века, его нравы, любовь и личные драмы. В данном случае В. В. Путин интерпретирует «Евгения Онегина» не просто как литературное произведение, а как инструмент формирования национального сознания и русской идентичности. Он переосмысливает текст, переносит его значение из литературного контекста XIX века в современный политический контекст, связанный с вызовами глобализации. Это соответствует концепции ван Дейка, который рассматривает интерпретацию как средство для достижения политических целей [22].

В высказывании используются слова с эмоциональным и идеологическим оттенком: «национальное сознание», «русский человек», «душа», «гордость», «культура», «история». Эти лексемы апеллируют к национальной идентичности и вызывают эмоциональный отклик у аудитории. Слово «душа» имеет особое значение в русском культурном контексте, символизирует глубину и уникальность русского характера. Структура высказывания построена на противопоставлении и логической связи. Фраза «Пушкин <...> не просто описывал жизнь своего

¹ А. А. Навальный внесен в перечень организаций и физлиц, причастных к терроризму и экстремистской деятельности // Росфинмониторинг.

² Высказывания Владимира Путина в ходе прямых линий // <https://tass.ru/>. URL: <https://tass.ru/info/6565740> (дата обращения: 19.06.2019).

³ А. С. Пушкин. Борис Годунов. URL: <https://ilibrary.ru/text/465/p.1/index.html> (дата обращения: 16.03.2026).

времени, он создавал портрет русского человека» использует конструкцию «не просто... а...», которая усиливает убедительность аргумента, представляет А. С. Пушкина как создателя образа русского человека. Введение временного контекста («сегодня, когда мы сталкиваемся с вызовами глобализации») связывает прошлое с настоящим, придает речи актуальность. Прагматический эффект достигается через эмоциональное вовлечение аудитории. Упоминание «русского человека» и «души» вызывает чувство гордости и принадлежности, связывая личную идентичность слушателей с национальным нарративом. Это усиливает поддержку политики В. В. Путина, направленной на защиту русской культуры. Такой подход согласуется с концепцией ван Дейка, где выбор определенных символов и образов в дискурсе направлен на формирование восприятия аудитории [23].

Реконтекстуализация литературных элементов и ее результаты

Д. С. Песков: Добрый день ещё раз всем! Мы начинаем. Естественно, я сначала всё-таки журналистам кремлёвского пула предоставлю слово. Они в течение всего года сопровождали главу государства во всех поездках, на всех мероприятиях, поэтому давайте вопросы. Пожалуйста.

В. В. Путин: Как не порадовать родному человеку. (публика смеется)

Вопрос: Александр Чудодеев, журнал «Итоги».

Владимир Владимирович, Вы раньше не раз говорили о том, что «хватит субсидировать экономику Украины». Так чем можно объяснить такую щедрость в отношении Украины сейчас?¹

В комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» выражение «как не порадовать родному человеку» принадлежит Фамусову, персонажу, олицетворяющему старомодные взгляды, кумовство. Эта фраза используется в сцене, где Фамусов намекает на возможность продвижения по службе за счет личных связей, а не заслуг. В литературном контексте XIX века фраза

несет сатирический оттенок, высмеивая коррупцию и семейственность в обществе. В современном русском языке выражение закрепилось как идиома, обозначающая кумовство или предпочтение «своих» людей, часто с негативной коннотацией².

На пресс-конференции В. В. Путин употребляет ее в ответ на слова Д. С. Пескова, чтобы создать легкую, дружескую атмосферу. С семантической точки зрения, фраза подвергается реконтекстуализации: ее сатирический смысл, связанный с критикой кумовства, утрачивается, а значение трансформируется в нейтральный риторический прием, смягчающий формальность дискурса. С прагматической точки зрения, цитирование выполняет несколько функций. *Во-первых*, оно усиливает авторитетность говорящего, подчеркивая его связь с русской литературной традицией. *Во-вторых*, фраза обладает риторическим потенциалом, апеллируя к культурным кодам, связанным с творчеством Грибоедова, что способствует формированию образа лидера, способного использовать юмор для установления доверительного тона.

Для более глубокого понимания феномена литературной дипломатии был проведен количественный анализ корпуса выступлений В. В. Путина за 2012–2023 гг., направленный на выявление частоты, жанровых особенностей, типов использования и контекстов применения литературных источников. Такой анализ позволяет не только подтвердить значимость литературной дипломатии в политическом дискурсе, но и выявить ее структурные характеристики, что будет рассмотрено далее с использованием статистических данных.

Как видно из табл. 1, из 466 проанализированных выступлений литературные источники были использованы в 118 случаях, что составляет 25,32 % от общего количества.

Распределение литературных источников по жанрам представлено в табл. 2. Наиболее часто встречаются отсылки к крупной и средней прозе – романам, повестям, рассказам и новеллам (66,1 %).

Таблица 1. Статистика по количеству случаев использования В. В. Путиным литературных источников

Table 1. Statistics on the Number of Instances of V.V. Putin Using Literary Sources

Общее количество выступлений	Количество случаев использования литературных источников	Доля в процентах
466	118	25,32

Источник: составлена авторами.

Таблица 2. Статистика жанров литературы, используемых В. В. Путиным

Table 2. Statistics on Literary Genres Used by V.V. Putin

Жанр	Количество использования	Доля в процентах
Романы, повести, рассказы, новеллы	78	66,1
Стихотворения	9	7,63
Пословицы и поговорки	11	9,32
Драма (произведения музыкальной направленности)	2	1,7
Мифы и сказки (включая религиозные произведения, такие как Библия, Коран и т. д.)	18	15,25
Итого	118	100

Источник: составлена авторами.

¹ Пресс-конференция Владимира Путина // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19859> (дата обращения: 19.12.2013).

² Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/fc/slovar-205-4.htm#zag-2075> (дата обращения: 17.03.2026).

Что касается географии литературных источников, то, согласно табл. 3, преобладают произведения русской литературы (49,15 %), за ними следуют европейские (26,27 %).

Таблица 3. Статистика стран происхождения литературных произведений

Table 3. Statistics on Countries of Origin of Literary Works

Страны	Количество использования	Доля в процентах
Россия	58	49,15
Европейские страны	31	26,27
Страны СНГ	7	5,93
Азиатские страны	8	6,78
Соединенные Штаты	6	5,08
Другие страны	8	6,78
Итого	118	100

Источник: составлена авторами.

Как показывает анализ способов использования литературных элементов в табл. 4, реконтекстуализация доминирует и составляет 47,46 % всех случаев.

Таблица 4. Статистика по типам способа использования литературных элементов

Table 4. Statistics by Types of Methods of Using Literary Elements

Типы способа использования литературных элементов	Количество использования	Доля в процентах
Цитирование	28	23,73
Интерпретация	34	28,81
Реконтекстуализация	56	47,46
Общая сумма	118	100

Источник: составлена авторами.

Наконец, распределение по политическим контекстам (табл. 5) показывает наибольшую частоту использования литературных элементов в темах жизнеобеспечения населения (28,81 %) и дипломатии (15,27 %).

Таблица 5. Статистика по типам политических контекстов

Table 5. Statistics by Types of Political Contexts

Типы политических текстов	Количество использования	Доля в процентах
Правовая и судебная система	5	4,24
Энергетика	4	3,3
Идеология (включая речи по поводу юбилеев и т. д.)	8	6,78%
Наука, культура и искусство	14	11,86
Национальная оборонная политика и армия	10	8,47
Экономическая политика	9	7,62
Жизнеобеспечение людей (включая образование, борьбу с коррупцией, сельское хозяйство, население и инфраструктуру)	34	28,81
Национальный суверенитет и политика национальной безопасности (включая войны, военные операции, такие как борьба с терроризмом, и т. д.)	12	10,17
Дипломатия	18	15,27
Выбор (включая инаугурацию, партии и т. д.)	4	3,39
Итого	118	100

Источник: составлена авторами.

Исходя из приведенного выше статистического анализа, можно сделать вывод о том, что В. В. Путин активно использует литературные источники в политическом дискурсе, отдавая предпочтение художественной литературе и преимущественно применяя механизм реконтекстуализации, что обеспечивает адаптацию культурно-художественных текстов к актуальным коммуникативным задачам. В то же

время разнообразие стран литературного происхождения, на которые ссылается В. В. Путин, свидетельствует о его глубоком литературном и культурном знании. Его основное внимание уделяется темам, связанным с повышением благосостояния граждан и развитием дипломатических отношений, что подчеркивает персуазивную функцию литературной дипломатии в политическом дискурсе.

Выводы

Исследование феномена литературной дипломатии в выступлениях В. В. Путина подчеркивает ее значимость как феномена политического дискурса, глубоко укорененного в культурной традиции. Применение литературных элементов позволяет усиливать убедительность речей, апеллируя к авторитету классических текстов, таких как произведения А. С. Пушкина или А. С. Грибоедова. Полученные результаты подтверждают, что литературная дипломатия становится неотъемлемой частью политической коммуникации. Она не только обогащает политический дискурс, но и способствует выстраиванию диалога с обществом через общие культурные коды.

Источники

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/fc/slovar-205-4.htm#zag-2075>

Библиографические ссылки

1. Ян Ц. Инструменты и механизмы реализации китайской культурной дипломатии в отношении Российской Федерации // *Международные отношения*. 2023. № 1. С. 1–7. DOI: 10.7256/2454-0641.2023.1.40069. EDN: CCTWZM
2. Вотинцева К. А. Культурная дипломатия Китая // *Гуманитарные научные исследования*. 2014. № 11 (39). С. 112–115.
3. Костикова О. И. Литературный перевод как средство культурной дипломатии // *Вестник Московского университета*. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 4. С. 168–171. EDN: YYTSIH
4. Hampton T. *Fictions of Embassy: Literature and Diplomacy in Early Modern Europe*. Cornell University Press, 2011. 256 с. DOI: 10.7591/j.ctt7zfls
5. Hampton T. *Literary Diplomacy: the Margins of Representation*. *Diplomatica*. 2019. № 1. С. 26–32. DOI: 10.1163/25891774-00101005
6. Kristmannsson G. *Literary Diplomacy: The Role of Translation in the Construction of National Literatures in Britain And Germany 1750–1830*. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2005. 504 с.
7. Qi L. Literature and art as political discourse: adapting The White-Haired Girl in the communist context of China // *The Translator*. 2024. Vol. 30, Issue 4: Political Discourse Translation in Contemporary Chinese and Western Contexts. Pp. 518–533. DOI: 10.1080/13556509.2024.2350782
8. Rancière J. *Mute Speech: Literature, Critical Theory, and Politics*. Columbia University Press, 2011. 208 с.
9. Nassa H. *Literature in Law and Political Speech*. *Indian J.L. & Legal Rsch*. 2022. № 4.
10. Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : коллективная монография. Науч. ред.: Н. А. Боженкова, П. А. Катышев. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. С. 209. ISBN 978-5-98269-248-1. EDN: LZIXDM
11. van Dijk T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society*. 1993. Vol. 4, no. 2. Pp. 249–283. DOI: 10.1177/0957926593004002006
12. Фуко М. *Археология знания / пер. с фр. М. Кастальской*. Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2002. 416 с.
13. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London : Longman, 1995. 265 с. DOI: 10.4324/9781315834368
14. Per L. *Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in Professional discourse // Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1998. С. 143–157. DOI: 10.1515/text.1.1998.18.2.143
15. Иванов П. К., Катышев П. А. Идеологема в политической коммуникации: Интерперсональный аспект // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 3 (7). С. 138–143. EDN: LFHZMK
16. Goffman E. *Frame Analysis*. Cambridge. Harvard University Press, 1974. S. 147. DOI: 10.4135/9781446278963.n6
17. Bernstein B. *Class, Codes, and Control*. Vol. 4. The structuring of pedagogic discourse. Moscow ; London : Routledge, 1990. 312 s. DOI: 10.4324/9780203011263
18. Геращенко В. П. Белый клобук и шапка Мономаха (к вопросу семиотики традиционного костюма Древней Руси) // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2008. С. 44. EDN: MVHNTR
19. Хархордин О. В. *Основные понятия российской политики*. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 331 с. ISBN 978-5-86793-886-4
20. Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. Princeton : Princeton University Press, 1995. 512 s.
21. Ключевский В. О. *Курс русской истории : соч. в 9 т.* Ч. 2. Москва : Мысль, 1987. 941 с.
22. van Dijk T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society*. 1993. Vol. 4, no. 2. pp. 249–283. DOI: 10.1177/0957926593004002006
23. van Dijk T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society*. 1993. Vol. 4, no. 2. pp. 249–283. DOI: 10.1177/0957926593004002006

References

1. Jan C. [Instruments and mechanisms for implementing Chinese cultural diplomacy towards the Russian Federation]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2023, no. 1, pp. 1-7. (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0641.2023.1.40069. EDN: CCTWZM
2. Votinceva K.A. [China's cultural diplomacy]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2014, no. 11 (39), pp. 112-115. (in Russ.).
3. Kostikova O.I. [Literary translation as a means of cultural diplomacy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 22. Teoriya perevoda, 2018, no. 4, pp. 168-171. (in Russ.). EDN: YYTSIH
4. Hampton T. *Fictions of Embassy: Literature and Diplomacy in Early Modern Europe*. Cornell University Press, 2011, 256 p. (in Engl.). DOI: 10.7591/j.ctt7zfls
5. Hampton T. *Literary Diplomacy: the Margins of Representation*. *Diplomatica*, 2019, no. 1, pp. 26-32. (in Engl.). DOI: 10.1163/25891774-00101005
6. Kristmannsson G. *Literary Diplomacy: The Role of Translation in the Construction of National Literatures in Britain And Germany 1750-1830*. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2005, 504 p. (in Engl.).
7. Qi L. *Literature and art as political discourse: adapting The White-Haired Girl in the communist context of China*. *The Translator*, 2024, vol. 30, issue 4: Political Discourse Translation in Contemporary Chinese and Western Contexts, pp. 518-533. (in Engl.). DOI: 10.1080/13556509.2024.2350782
8. Rancière J. *Mute Speech: Literature, Critical Theory, and Politics*. Columbia University Press, 2011, 208 p. (in Engl.).
9. Nassa H. *Literature in Law and Political Speech*. *Indian J.L. & Legal Rsch*, 2022, no. 4. (in Engl.).
10. Nauch. red.: N. A. Bozhenkova, P. A. Katyshev. *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa : kolektivnaja monogr.* [Semiotic and semasiological dimension

of political discourse: collective monograph]. Moscow, Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2021, pp. 209. (in Russ.). ISBN 978-5-98269-248-1. EDN: LZIXDM

11. van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283. (in Engl.). DOI: 10.1177/0957926593004002006

12. Fuko M. Per. s fr. M. Kastal'skoj. *Arheologija znanija*. [Archaeology of knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaja akademija, 2002, 416 p. (in Russ.).

13. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London, Longman, 1995. 265 p. (in Engl.). DOI: 10.4324/9781315834368

14. Per L. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in Professional discourse. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1998, pp. 143-157. (in Engl.). DOI: 10.1515/text.1.1998.18.2.143

15. Ivanov P.K., Katyshev P.A. [Ideologeme in political communication: Interpersonal aspect]. *Virtual'naja komunikacija i social'nye seti*, 2023, vol. 2, no. 3 (7), pp. 138-143. (in Russ.). EDN: LFHZMK

16. Goffman E. *Frame Analysis*. Cambridge. Harvard University Press, 1974, P. 147. (in Engl.). DOI: 10.4135/9781446278963.n6

17. Bernstein B. *Class, Codes, and Control*. Vol. 4. The structuring of pedagogic discourse. Moscow, London, Routledge, 1990, 312 p. (in Engl.). DOI: 10.4324/9780203011263

18. Gerashhenko V.P. [The White Hood and Monomakh's Cap (on the Semiotics of Traditional Costume in Ancient Rus')]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2008, pp. 44. (in Russ.). EDN: MVHNTR

19. Harhordin O.V. *Osnovnye ponjatija rossijskoj politiki* [Fundamental Concepts of Russian Politics]. Moscow, New Literary Review Publ., 2011, 331 p. (in Russ.). ISBN 978-5-86793-886-4

20. Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. 1. Princeton, Princeton University Press, 1995, 512 p. (in Engl.).

21. Ključevskij V.O. *Kurs russkoj istorii : sočinenija v 9 t. Ch. 2*. [Course of Russian history] works in 9 volumes, part 2. Moscow, Thought Publ., 1987. 941 p. (in Russ.).

22. van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283. (in Engl.). DOI: 10.1177/0957926593004002006

23. van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283. (in Engl.). DOI: 10.1177/0957926593004002006

P. A. Katyshev, Doctor of Philological Sciences, Professor
Jing Shiqi, Post-graduate
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

LITERARY DIPLOMACY AS A PHENOMENON OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE – ON THE CASE OF V.V. PUTIN'S SPEECHES

The article examines the phenomenon of literary diplomacy in the context of contemporary Russian political discourse. Particular attention is given to the analysis of the use of literary sources in the public speeches of the President of the Russian Federation V.V. Putin as a tool for implementing communicative strategies and achieving pragmatic effects.

The idea is substantiated that purposeful reference to fiction contributes to enhancing the persuasiveness of statements, fostering an atmosphere of trust and friendliness, as well as constructing a positive image of the leader in the perception of both domestic and international audiences.

The study considers three main ways of incorporating literary sources into the politician's speeches: direct quotation, interpretation, and recontextualization. The article is also devoted to a comprehensive quantitative and qualitative investigation of the frequency, genre affiliation of the borrowed works, and the thematic specifics of the contexts in which they are applied.

The establishment of the frequency of use of literary elements in political speeches, the genre characteristics of the borrowed resources, and the content specifics of the contexts incorporating them demonstrates that from 2012 to 2023, in 466 speeches, the Russian leader referred to literary resources 118 times; preferences were given to allusions to novels, novellas, short stories, and tales (66% of all cases of literary resource use) and to the adaptive mechanism of recontextualization (47.5% of the total mentions of all adaptive mechanisms in the established text corpus). Notably, literary elements are more frequently used in the context of discussing issues of human well-being (28.81%) and diplomatic interactions (15.27%).

The obtained data indicate the advisability of further research into the pragmatic mechanisms of using literary sources in political discourse, in particular on the basis of expanded text corpora, with the application of quantitative analysis methods and consideration of the dynamics of communicative situations across different periods.

Keywords: literary diplomacy; citation; interpretation; recontextualization; political discourse; V.V. Putin's speeches

Получена: 22.02.2026

ГРНТИ 16.21.27, 16.21.61, 17.07.51

Образец цитирования

Катышев П. А., Цзин Шици. Литературная дипломатия как феномен российского политического дискурса: на примере выступлений В. В. Путина // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2026. Т. 21, № 1. С. 103–109. DOI: 10.22213/2618-9763-2026-1-103-109

For Citation

Katyshev P.A., Jing Shiqi. [Literary diplomacy as a phenomenon of russian political discourse – on the case of V.V. Putin's speeches]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teorija i praktika*, 2026, vol. 21, no. 1, pp. 103-109 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2026-1-103-109